Научная статья
Исторические науки
УДК 28-74(470.67)"18/19"
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-3-536-556

Переписка Йахйи из Гамсутля и Али Каяева о закяте с «картушки» (картофеля) в сельской общине Горного Дагестана

Патимат Ибрагимовна Тахнаева[1a], Магомед Курбангаджиевич Алиев[1b]

[1] *Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,*
[a] *ptakhnaeva@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-8830-5444*
[b] *alievmkg@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0002-4750-3089*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о закяте в жизни порефор-менной сельской общины (джама'а) Нагорного Дагестана позднего им-перского и раннего советского времени. Основное внимание обращено на деятельность сельских кадиев по распределению религиозных выплат. Вместе с тем анализируется позиция российской власти в отношении ис-ламских институтов. Авторы объясняют причины слабой изученности данной темы в отечественной науке отсутствием систематического уче-та закята в имперском делопроизводстве, в отличие от мечетных вакфов и иной благотворительности. В научный оборот вводится новый важ-ный исторический источник, позволяющий реконструировать практику применения норм шафиитского фикха в деятельности дагестанских джа-ма'атов, а также проследить богословские дискуссии по вопросам закята среди дагестанских улемов, включая представителей реформистского на-правления первой четверти XX в.

Ключевые слова: исламская благотворительность, закят, вакф, сельская об-щина, кадии, джадидизм, иджтихад, Али Каяев, Йахйя из Гамсутля

Для цитирования: Тахнаева П. И., Алиев М. К. Переписка Йахйи из Гамсутля и Али Каяева о закяте с «картушки» (картофеля) в сельской общине Горного Да-гестана. *Ориенталистика*. 2026;9(3):536–556. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-3-536-556.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Тахнаева П. И., Алиев М. К., 2026
© Ориенталистика, 2026

Original article History studies
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-3-536-556

Correspondence between Yahya of Gamsutl and Ali Kayaev on zakat Almsgiving from Potatoes in a Village Community of Mountain Dagestan

Patimat I. Takhnaeva[1a], Magomed K. Aliev[1b]

[1] *Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*
[a] *ptakhnaeva@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-8830-5444*
[b] *alievmkg@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0002-4750-3089*

Abstract. The article examines problem of zakat almsgiving in the life of post-reform rural community (jama'a) in Mountain Dagestan in the late imperial and early Soviet periods. The main focus is on the activities of rural qadis in collecting and distributing Islamic charitable funds. At the same time, the position of the Russian authorities towards Islamic charitable institutions is analyzed. The authors explain the reasons for the lack of researches on this topic in academia by the absence of systematic accounting for zakat in imperial documents, in contrast to mosque waqfs. The new important historical source is introduced into scientific circulation. It allows to reconstruct how the norms of Shafi'i school of Islamic law was applied in the life of Dagestani jama'ats and why disputes concerning zakat entered in the Islamic discourse of Dagestani Muslim scholars including reformists in the first quarter of the 20th century.

Keywords: Islamic charuitable funds, zakat, waqf, village communities, qadis, jadids, ijtihad, Ali Kayaev, Yahya of Gamsutl

For citation: Takhnaeva P. I., Aliev M. K. Correspondence between Yahya of Gamsutl and Ali Kayaev on zakat Almsgiving from Potatoes in a Village Community of Mountain Dagestan. *Orientalistica*. 2026;9(3):536–556. (In Russ.). https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-3-536-556.

Введение

Есть ли особенности взимания закята[1] как основы мусульманской благотворительности в Дагестане в составе поздней Российской империи и в первое советское десятилетие его истории? Что эта универсальная норма шариата говорит о жизни сельской общины и исламском дискурсе известных сельских кадиев, переписывавшихся между собой о закяте в конце 1924 г.? Какие выводы о закяте позволяет сделать частная переписка о включенности сельской мусульманской общины (*джама'ата*) бывшей колониальной окраины

[1] *Закят* — один из пяти столпов веры в исламе, обязательная ежегодная выплата, налог, который выплачивают обеспеченные мусульмане со своего имущества (обычно 2,5%) в пользу нуждающихся, если их сбережения достигают установленного минимума — нисаба.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Takhnaeva P. I., Aliev M. K., 2026
© Ориенталистика, 2026

в жизнь Российской империи и раннего СССР, а также о ее правовой и экономической автономии от имперских, а затем советских властей?

Эти — по сути простые — вопросы остаются без ответа в дагестанской историографии. Отдельные историки лишь упоминают существование закята в Дагестане и других мусульманских окраинах Российской империи, гипотетически отталкиваясь от соображения, что все мусульмане должны ежегодно вносить закят, считающийся одним из пяти столпов религиозного культа у мусульман-суннитов [*Мусульманское право*..., 2017, с. 133, 196]. Но особой рефлексии это у них обычно не вызывает. Некоторые даже ошибочно отрицают существование закята в царской России, исходя из того, что большинство законодательных источников имперского времени о нем молчат [Анучин, 2015, с. 70]. Молчание отечественной историографии во многом вызвано незнакомством ее с местными, прежде всего арабоязычными, документальными свидетельствами о мусульманской благотворительности.

Историография и источниковедение закята в России и Дагестане

Зарубежные исламоведы уделили закяту и вакфу[2] больше внимания, преимущественно на материалах мусульманских общин, переживавших в то время эпоху экономического подъема городов, но не сел Волго-Уральского региона в составе Российской империи пореформенного времени. Для целей настоящей статьи важно при сравнении их выводов с нашими источниками понять, какие из их теоретических заключений подходят к Дагестану и помогают понять положение с мусульманской благотворительностью в сельских общинах изучаемого времени.

Социально-правовые аспекты распределения закята и функционирование иных благотворительных практик в мусульманских общинах Российской империи получили освещение в трудах французского востоковеда Стефана А. Дюдуаньона и американской исследовательницы Даниэль Росс.

Дюдуаньон рассматривает закят и вакф как источник автономии медресе и других культурных институтов мусульманских общин в империи и ранней советской России. По его мнению, власти империи воспринимали исламскую благотворительность (в частности, закят) как частную собственность мечетей и мусульманских школ, а потому не вмешивались в финансирование последних частными лицами. Верно отметив исключительное многообразие ситуаций с мусульманской благотворительностью в регионах, он рассматривает дебаты 1880-х — 1910-х гг. о контроле над мусульманским образованием, который финансировался из вакфов, и отчасти закята. Как известно, в Волго-Уральском регионе часть улемов считала, что закят должны собирать и распределять указные муллы, подчинявшиеся муфтияту — ОМДС[3] с центром

[2] *Вакф* — неотчуждаемое имущество, переданное на благотворительные цели, обозначенные его учредителем. В Дагестане вакфные поступления часто состояли из части урожая с пахотного участка, завещанного в пользу мечети.

[3] ОМДС — Оренбургское магометанское духовное собрание — первая официальная государственная организация мусульман Российской империи, учрежденная указом Екатерины II от 22 сентября 1788 г. Первоначально носила название «Уфимское духовное магометанского закона собрание».

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

в Уфе, а другие предлагали передавать закят напрямую нуждающимся, минуя посредников. Некоторые татарские правоведы начала XX в. предлагали использовать закят для финансирования новых нужд культурной деятельности, например, оплачивать с его помощью образование мусульманских мальчиков в русских школах. В поздней империи стирается грань между обязательным закятом, «очищающим» собственность верующих, и добровольной милостыней — *садака*, что, по мнению Дюдуаньона, усиливало зависимость мусульманских общин и их культурных учреждений от частных богатых спонсоров из городов [Dudoignon, 2001, p. 50, 55–56, 60, 69–73].

По мнению Даниэль Росс, влияние российского государства в его отношениях с мусульманскими подданными и их взаимная враждебность в литературе преувеличены. Отсутствие упоминаний закята и вакфа в нормативных актах империи она объясняет не тем, что после завоевания Казанского ханства в 1552 г. вакфы уничтожили, а закят перестали собирать, а тем, что власти Московского царства и империи игнорировали их, а потому не контролировали благотворительность мусульманских общин в регионе. Соответственно, чиновники империи не пытались передать правовое регулирование закята институтам местного самоуправления (пореформенным земствам) или указному духовенству ОМДС. Как и Дюдуаньон, Росс обращает основное внимание на дебаты авторитетных улемов о вакфах, садаке и закяте после Великих реформ. Она верно считает эти полемические сочинения — как более ранние правовые сочинения и даже дидактические поэмы — более важным источником по истории закята, чем имперское законодательство [Ross, 2017, p. 77–111].

В Дагестанской области, созданной в 1860 г., после окончательного присоединения Северо-Восточного Кавказа к империи, закят, как и в Волго-Уральском регионе, явно взимался и также не был регламентирован империей, хотя и лучше учитывался статистикой. Такого урбанизированного и экономически процветающего мусульманского населения здесь не было. Большинство мусульман Дагестана жило в горных селениях, которые за редкими исключениями страдали нехваткой земли, ресурсов и общей бедностью населения. Закят важен был здесь прежде всего для бедняков. О значимости этой практики говорят и «Обзоры Дагестанской области», статическое приложение к ежегодным отчетам властей области в Тифлис начальству Кавказского края и наместничества. Так, по данным на 1900 г., в Дагестанской области считалось 20 315 человек бедных, которых субсидировали на средства от закята, — это на 9064 человека меньше по сравнению с 1899 г. [*Обзор Дагестанской области*..., 1901, с. 65], а в 1915 г. бедных, чье содержание поддерживалось на средства от закята, насчитывалось около 17 000 человек [*Обзор Дагестанской области*..., 1916, с. 51].

Закят и кадии Дагестанской области и ранней Дагестанской АССР

Имперские власти области и наместничество почти не касались закята в своих нормативных актах и инструкциях о работе администрации и судов сельских общин. В пореформенный период (1861–1917) сбор и распределение закята в сельских общинах Нагорного Дагестана были закреплены за сельскими

кадиями (*дибирами*) и сходами [*Проект положения*..., 1868, ст. 12.4, 32, 2, 6–7]. Российская власть, включая наибов и окружных начальников, практически не вмешивалась в проблемы мусульманской благотворительности внутри сельской общины (*джама'ата*). Сведения об объеме и порядке распределения закята не нашли отражения в официальном делопроизводстве сельских и окружных судов. В то же время вакфная собственность и доходы от мечетных вакфов заносились в специализированные реестры (*дафтар*) сельских администраций. Вследствие подобной избирательности в учете, в источниках имперского периода и советской историографии такие категории, как вакф, закят и иные религиозные выплаты (включая добровольные пожертвования — *садака*), зачастую не подвергались четкой дифференциации.

Сельские кадии и дибиры, ответственные за сбор закята, также выполняли функции по его распределению. Ключевым вопросом, возникавшим в процессе распределения закята, являлось определение категорий лиц, имеющих право на его получение. По определению известного дагестанского правоведа Мухаммадтахира ал-Карахи, работавшего в то время кадием Дагестанского народного суда, знание перечня групп бенефициариев закята являлось обязательным критерием при квалификационном экзаменовании кандидатов на судебные должности [Мухаммадтахир ал-Карахи, 2014, с. 32].

Отсутствие практики централизованного сбора и распределения закята на уровне властей сельской общины или наибства (округа) позволяет сделать вывод о том, что закят как исключительно религиозная практика не входил в сферу интересов официальной власти и оставался частным делом верующих, а основные вопросы правоприменения регулировались сельскими дибирами и кадиями.

Специальных правовых сочинений, посвященных проблеме закята в Дагестане в рассматриваемый период, не обнаружено. Вероятнее всего, это связано с тем, что закят как один из столпов ислама регулировался в рамках устоявшейся в регионе традиционной богословской школы на основе известных трудов шафиитских правоведов. Отдельные аспекты функционирования закята встречаются в трудах местных алимов. В частности, в сборнике правовых заключений «Фатава ал-Чухи» Мухаммад-'Али ал-Чухи вопросам закята посвящена отдельная глава, где автор в формате «вопрос — ответ» дает комментарии и свои заключения по различным аспектам закята и исламской благотворительности. Однако эти правовые заключения носят обобщающий характер и не содержат подробной экспликации правовых тонкостей, а также решений по актуальным правовым задачам с учетом времени и обстоятельств (*навазиль*). [Мухаммад-'Али ал-Чухи, 1908, с. 67–135].

У нас мало сведений о дискуссиях про закят в пореформенный период, подобных широким обсуждениям мусульманской благотворительности в Волго-Уральском регионе, о которых пишут Дюдуаньон и Росс. Причина нехватки сведений в том, что в основном полемика проходила в частной переписке богословов, и многие письменные и эпистолярные источники еще не введены в научный оборот и не стали предметом исследований. Однако ситуация изменилась в переломную эпоху в истории региона — в первой четверти XX в. Основной площадкой, где велась полемика по проблеме закята

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

и его социальной роли в мусульманском мире, стала мусульманская периодика, в частности — газета «Джаридат Дагистан», редактором которой был публицист-джадид Али Каяев из Кумуха[4].

В статье «Социалисты и ислам» от 26 сентября 1917 г. Али Каяев пишет, что, установив налог в пользу бедных, ислам более мудро решил вопросы защиты бедных слоев общества, чем социалисты, в целом исключая потребность в доктрине социалистов. Исламский шариат, пишет Али Каяев, по-своему решил эту проблему, установив то, что «поразило умнейших людей» и «исключило всякую потребность в социалистах и несоциалистах», — это закят (налог в пользу бедных), который уплачивается с имущества, золота, серебра, верблюдов, овец и т. д. Если бы мусульмане соблюдали этот столп ислама, считает автор, на Земле не осталось бы ни богатых, ни бедных. Если бы люди других религий соблюдали свои заповеди, считает Али Каяев, никто ничего не услышал бы о социалистах. Далее, Али Каяев пишет, что ислам не ограничился закятом, а установил и другие виды пожертвований, такие как *садака*, *каффара* (милостыня, подаваемая в качестве искупления), завещания, вакфы, *назр* (жертвуемая по обету вещь). Кроме того, ислам вменяет в обязанность богатым обеспечивать нуждающихся едой, одеждой [Наврузов, 2012, с. 120–121].

В дальнейшем полемика по проблеме закята на страницах газеты «Джаридат Дагистан» нашла продолжение в обсуждении вопросов, касающихся конкретных объектов имущества, подлежащих закяту. К примеру, вопрос уплаты закята с бумажных денег, или «ассигнаций», казначейских обязательств, выпускавшихся царским правительством (они были в тот период на руках у многих дагестанцев). Эта проблема затрагивается в многочисленных статьях на страницах газеты в полемике между Гамзатом ал-Черкеси и Али Каяевым, а также в статьях известного впоследствии советского поэта, тогда кадия, Гамзата Цадасы [Гамзат б. Махама ал-Авари, 1916] и ответах на них Али Каяева и др. Али Каяев считает, что владельцу бумажных денег (ассигнаций) следует платить закят с них, независимо от того, использовал он их в торговых целях или нет [там же].

По словам Али Каяева, дагестанцы не соблюдают этот столп ислама в полной мере и пытаются избегать выплаты закята различными ухищрениями, в том числе, опираясь на мнения некоторых богословов, выносивших правовые решения, помогающие избежать выплаты закята состоятельным дагестанцам. Всю вину Али Каяев возлагает на местных богословов, которые не пытаются разобраться в вопросе и не выносят правовые заключения, побуждающие верующих выплачивать закят со своего имущества. В целом отношение Али Каяева к тем, кто пытается избежать выплаты закята, крайне категоричное. По его мнению, три категории людей не уплачивают закят: «Первая — кто не хочет платить закят; вторая — скупые, кто хочет разбогатеть наилегчайшим путем, но представ при этом перед людьми в хорошем свете; третья — некоторые из числа духовенства, которые считают себя учеными, хотя таковыми не являются, подлые и низкие по своей натуре» [Гамзат б. Махама ал-Авари, 1916, с. 126].

[4] Али Каяев ал-Гумуки (1878–1943) — известный дагестанский реформист, ученый, мударрис, публицист. Был редактором газеты «Джаридат Дагестан», сначала неофициально, а с 19 января 1918 г. — официально.

Как видим из оживленной дисскусии по вопросу закята на страницах газеты «Джаридат Дагистан», по большей части интерес к данной проблеме проявляли шариатские кадии и имамы (дибиры), в их числе Гамзат Цадаса[5], Али Каяев, Гасанхан Ясин (кадий г. Грозный), Нурмухаммад ал-Карахи (кадий с. Тлярош Гунибского округа) и др. В своих выводах и юридических трактовках участники обсуждения чаще всего ссылались на работы известных шафиитских правоведов — ал-Махалли (1389–1459)[6], ал-Хайтами (ум. 1565)[7], ар-Рамли (ум. 1440)[8], ас-Субки (ум. 1355)[9], ан-Навави (1233–1278)[10] и др.

Характерно, что в то же примерно время подобные дискуссии шли среди мусульманских элит российского Крыма, Волго-Уральского региона, Западной Сибири и Средней Азии. В частности, полемика в рядах исламской реформаторской интеллигенции наблюдалась и в Волго-Уральском регионе: например, на страницах журнала «Шура»[11] в 1916–1917 гг. шло активное обсуждение вопроса закята и его сопоставление с государственным налогом. В этом же ключе построено исследование Мусы Бигиева (1875–1949), представителя возникшего в конце XIX в. обновленческого движения — джадидизма, посвященное проблеме закята в Российской Империи. Бигиев отмечал, что исторически закят существовал бок о бок с налогами на землю и торговлю. Поэтому правительство может вводить налоги, не вмешиваясь в закят и не дублируя его функции. На самом деле обществу нужны как закят, так и налогообложение, потому что выплаты закята не могут заменить налоги [Бигиев, 2015].

В постимперский период интеграция Дагестана в новые институты власти, связанные с этим социальные и экономические трансформации поставили новые вопросы, на которые дагестанцы не были готовы ответить. Многие ученые пытались ответить на эти новые вопросы (уплата закята в российских бумажных деньгах, российская налоговая система, проблема использования вакфов) через практику *таклида*[12], но это не всегда давало им адекватные ответы. В этот период, в конце XIX в., некоторые дагестанские правоведы

[5] В 1917–1919 гг. являлся кадием Хунзахского шариатского суда; в 1923–1925 гг. председатель Аварского областного шариатского суда.

[6] Джалаладдин Абу ʻАбдаллах Мухаммад б. Ахмад ал-Махалли аш-Шафиʻи — видный египетский шафиитский законовед и комментатор Корана

[7] Шихабаддин Ахмад б. Мухаммад Ибн Хаджар ал-Хайтами ал-Макки — известный египетский законовед.

[8] Ахмад б. Хусейн Шихабутдин ар-Рамли — шафиитский законовед.

[9] Таки ад-Дин ас-Субки — один из крупных шафиитских законоведов.

[10] Абу Закария Йахйа б. Мухйидин ан-Навави — знаменитый арабский правовед и хадисовед.

[11] Шура («Совет») — общественно- политический и литературно- публицистический журнал на татарском языке. Выходил с 10.01.1908 по январь 1918 г. в Оренбурге два раза в месяц в качестве приложения к газете «Вакыт» («Время»).

[12] *Таклид* (араб. «подражание», «следование») — это следование мусульманина за авторитетными учеными-богословами в вопросах исламского права.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

поняли, что без элементов *иджтихада*[13] будет трудно ответить на эти вопросы. В юридической литературе Ближнего Востока не было готовых ответов, подходящих для специфики жизни в Российской империи. Эти вопросы можно было решить только с использованием элементов *иджтихада*: анализа мнений различных юристов по данному вопросу, исследования через аналогию (*кияс*) или выбора мнения с более сильным аргументом (*тарджих*).

К практике сбора и распределения закята в Дагестане в советский период было проявлено значительное внимание со стороны властей. Изначально политика советского государства отличалась относительной терпимостью: допускалось применение норм исламского права, включая сбор закята и *закята ал-фитр*. Закят (в частности, закят с урожая — *ушр*) и *закят ал-фитр*, получившие название «шариатских сборов», ранее являвшиеся основой социальной структуры среди мусульман региона. Сбором и распределением закята и «шариатских сборов» занялись комитеты крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВ), также известные как крестькомы. Однако главной целью передачи этих функций стало не стремление улучшить систему сбора и распределения, а скорее желание ослабить финансовую опору и влияние исламского духовенства. Местное духовенство занималось сбором и распределением закята, что обеспечивало ему финансовую поддержку (учитывая, что часть средств закята по шариату должна была направляться на вознаграждение тех, кто занимался сбором и распределением), а также способствовало поддержке со стороны местного населения, особенно среди бедных, благодаря распределению закята. Но к 1940-м гг. представители мусульманской интеллигенции адаптировались к советской действительности: многие из них работали в колхозах, причем основным их доходом являлись начисляемые в колхозах трудодни и заработная плата в совхозах [Сулаев, 2009, с. 228].

Часть мусульманского духовенства, поддержавшая большевиков, обосновывала необходимость выплаты закята в условиях советской власти. В частности, дагестанский богослов Мухаммад, сын Давуд-хаджи ал-Акуши (из с. Акуша) написал сочинение, в котором, ссылаясь на Коран, хадисы, сочинения шафиитских правоведов, обосновывал необходимость выплаты закята с урожая, собранного на колхозных землях, и предостерегал мусульман от «следования по пути шайтана, отказываясь от выплаты закята» [Шихалиев, 2013, с. 97].

Вопрос о том, что послужило толчком к развитию интереса российской и, в частности, дагестанской мусульманской интеллигенции к проблемам закята, вакфа, ростовщичества (*риба*) и другим вопросам экономического характера, остается открытым. Являлась ли эта тенденция продолжением традиционной для местного мусульманского духовенства полемики по общим вопросам исламского законотворчества, либо это веяния реформаторской мысли конца XIX — начала XX в.?

[13] *Иджтихад* (араб. «усердие», «старание») — это деятельность авторитетного мусульманского богослова (*муджтахида*) по самостоятельному решению религиозно-правовых вопросов, на которые нет прямых указаний в Коране и Сунне.

Переписка сельских кадиев Йахйи из Гамсутля и ʻАли из Кумуха

Полемика, продолжавшаяся с 1915 по 1917 г. на страницах газеты «Джаридат Дагистан», почти через 10 лет нашла свое продолжение в частной переписке двух богословов и кадиев сельских обществ Горного Дагестана. Публикуемая переписка является важным источником для изучения богословской полемики между российскими улемами по вопросу выплаты закята в раннесоветский период.

Письма были обнаружены в сентябре 2025 г. в ходе полевой археографической экспедиции сотрудников ИВ РАН В. О. Бобровникова и П. И. Тахнаевой в с. Чох-Коммуна Гунибского района Республики Дагестан. Находка была сделана при оцифровке старопечатных книг, сохранившихся из библиотеки Йахйи из Гамсутля. Письма были вложены между страницами широко распространенного в Дагестане издания сочинения Мухйи ад-Дина ан-Навави (ум. 1278)«Минхадж ат-талибин», напечатанного в «Исламской типографии» М.-М. Мавраева в Темир-Хан-Шуре в 1907 г.

Прежде библиотека Йахйи хранилась у него дома, в с. Гамсутль; после его смерти, последовавшей в 1942 г., перешла к двоюродному брату Тинав Исал Мухамаду (ТIинав ГIисал МухIамад, 1896–1988); в настоящее время хранится в семье Гази Магомедзагидовича Мусаева (ум. 2024) в с. Чох-Коммуна Гунибского района РД. Библиотека богослова еще не описана.

Документ представляет собой переписку двух алимов, изложенную на одном листе бумаги размером 22×16,5 см, вырванном из ученической тетради. С одной стороны листа написано письмо кадия Гамсутля Йахйи к Али Кумухскому (Каяеву), на его обороте записан ответ Каяева. К тому времени Али Каяев служил председателем (кадием) шариатского суда Кумуха.

Известный дагестанский ʻалим Йахйа б. Мухаммад Султан б. ʻИса б. Мухаммад б. Гази-Мухаммад б. Хаджи ал-Кабир (Старший) Мухаммад б. ʻАли б. Шайх б. Мухаммад б. Йаʻкуб ал-Гамсутли (الغمسقى) ад-Дагистани (1283/1866 г. х. —1943 г. н. э., похоронен в Гамсутле) в дореволюционном Дагестане работал кадием в селениях Аварского и Казикумухского округов, последние годы работал кадием в с. Гамсутль[14]. Йахйа является автором сочинений «Кунуз ал-иман шарх ал-мухтасар ас-сагир» — комментарий к «Мухтасар ас-сагир» Али Кабира из Кумуха (ум. в 1528 г.); «мл-Муслим ва-л-мулхид ва ма байна-хума» — сочинение по исламскому вероубеждению (*ʻакида*); «Махасин ал-ислам» — сочинение по догматике и др.

Особый интерес представляет то обстоятельство, что Йахйа из Гамсутля, принадлежавший к традиционной богословской школе, тесно связанной с суфизмом[15], обращается к Али Каяеву — одному из наиболее выдающихся представителей мусульманского реформаторства (джадидизма) в Дагестане, который резко критиковал современных ему суфиев [Бобровников, Каяев, 2020, с. 119–143]. Обратимся же к самим письмам.

[14] *Гамсутль* — ныне заброшенное селение в Гунибском районе РД.

[15] Несмотря на отсутствие источников, позволяющих с уверенностью утверждать, что Йахйа из Гамсутля был сторонником кадимизма, его принадлежность к суфийской традиции и содержание его сочинений позволяют отнести его к представителям исламского традиционализма.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Письмо Йахйи Гамсутлинского Али Кумухскому

إلى أخينا العالم على الغموقي،
السلامُ عليكم.
وبعد،
فلما وقع السؤال عندي عن زكاة "كارتوشكة"، قررتُ أنه يجب فيه الزكاة، وأن نصابه ٢١٠ كيلاً، مستدلاً بما سيُذكر من النصوص، وهي أن الفقهاء نصوا بوجوب الزكاة في المُقتات كما في كتب الفقه، وهي نار على علم عندكم. وكون "كارتوشكة" مُقتاتاً، أن الناس يقولون إنه يُقتات به ولو نادراً. وأيضاً أن من كان من الناس في ولاية سيبيريا يقولون إن فيها خلقاً كثيراً لا شيء لهم من القوت سوى "كارتوشكة"، وإن أجسامهم عظام كالـبَاب. وأيضاً أني رأيت في بعض الكتب التركية ما حاصله أنه يُقتات به، ويُستخرج منه الدهون والعسل، ويُصنع منه أطعمة لذيذة. وأيضاً أن قوله تعالى: "يا أيها الذين آمنوا أنفقوا من طيبات ما كسبتم ومما أخرجنا لكم من الأرض ولا تيمموا الخبيث منه تنفقون"(الآية) يشمله، فيلزم منه وجوب الزكاة فيها على أنها نزلت في الزكاة كما في كتب التفسير. أما كون نصابه ٢١٠ كيلاً، فكما فيما يُدَّخر في القِشْر كالـأرز والعلس، ولكون "كارتوشكة" بمثل سائر أنواع الميرة في المبادلات والاستبدال، فهذا. فالمتوقع من إخوتك أن تُشيرني بما أخطأتُ فيه في هذا التقرير، وبما تخشاه من البيان، فإني سمعت أنك تقول بعدم وجوب الزكاة فيه.
فهذا واستلام من أخيكم الغمسقي يحيى بن محمد سلطان.
تحرير 19 أكتوبر 1924.

Перевод[16]

Нашему брату, ученому Али из Кумуха.

Далее. Когда у меня возник вопрос о закяте с картофеля, я извлек решение, что он подлежит закяту, и его нисаб[17] *составляет 120 мерок (къили)*[18]*, ссылаясь на тексты, которые будут упомянуты, а именно, что факихи постановили, что закят должен быть уплачен с продуктов питания, как указано в книгах по фикху. Что касается картофеля, то он относится именно к таким продуктам, поскольку люди говорят, что им питаются, пусть даже в некоторых местах это происходит не повсеместно. Кроме того, некоторые люди, побывавшие в Сибири, рассказывают, что там проживает множество людей, не имеющих иной основной пищи, кроме картофеля, и при этом они отличаются крепким и могучим телосложением. Помимо этого, в одной из турецких книг я встретил сообщение о том, что картофель употребляется в пищу, из него получают жиры и сладкий сироп, а также готовят различные вкусные блюда. Всевышний Аллах говорит: «О те, которые уверовали! Делайте пожертвования из приобретенных вами благ и того, что Мы взрастили для вас на земле, и не стремитесь раздать в качестве пожертвования дурное»*[19]*, — этот айат относится к приведенному, из него следует обязательность закята, поскольку он был ниспослан в отношении закята, как это указано в книгах по тафсиру (толкованию Корана). Что же касается установленного мною нисаба в размере ста двадцати мер, то здесь я исхожу из аналогии с культурами, зерно которых сохраняется в оболочке, такими как рис и полба. Кроме того, картофель, подобно другим видам продовольственных запасов, служит предметом обмена и хозяйственного оборота. Поэтому*

[16] Переводы обоих писем сделаны М. К. Алиевым.

[17] *Нисáб* (араб. نِصَابٌ — начало, основа) — минимальный достаток или имущество, с которого необходимо выплачивать закят.

[18] كيل (на авар. *къали*) — мера объема сыпучих тел.

[19] Коран, 2:267.

я ожидаю от вас, мой брат, что вы укажете мне на возможные ошибки в этом рассуждении и сообщите все свои замечания, ничего не скрывая, поскольку до меня дошло, что вы придерживаетесь мнения об отсутствии обязанности выплачивать закят с картофеля. От твоего брата гамсутлинца — Йахии, сына Мухаммад-Султана. Составлено 19 октября 1924 г.

Ответ Али Кумухского Йахйе Гамсутлинскому

وعليكم السلام ورحمة الله وبركاته، أيها الأخ العزيز الكريم يحيى.
أحيا الله بكم ما اندرس من معالم العلم والدين
فإن "كارتوشكة" من النباتات الأمريكية الأصل، انتقلت من أمريكا بعد اكتشافها إلى أوروبا ومنها إلى بلاد الشرق، ولم يعرفها المتقدمون من علماء الإسلام ولم تذكرها في كتبهم. وهي اليوم قوت كثير من قرى جزيرة إيرلند من الجزائر الإنجليزية يقتاتون بها وحدها، كما نقل ذكرهم عن الطبيب المعروف عمر بسيم، رئيس أطباء الدولة العثمانية في عهد عبد الحميد. قال إنهم يتناولون فيها كل يوم نحوعشرين كروانكة لقلة ما فيها من العناصر الغذائية بالنسبة لغيرها من الأقوات المعروفة. وعدم اقتياتنا بها وحدها لعدم اعتيادنا على ذلك، ولو اعتدنا عليه لأمكننا الاقتصار عليها وحدها كما يقتصرون عليها ولقامت بها أبداننا كما تقوم أبدانهم. ولم يصابوا من كثير مما يتناولون فيه بأي من الأمراض المعروفة، إلا أن يصاب المقتات بالسلت والأرز ونحوهما ببعض الأمراض المعروفة. وليس من شرط كون القوت زكوياً سلم من يقتات به من جميع الأمراض، وإلا لما كان السلت ونحوه بالنظر الأقوات الزكوية. وأما نصابها، فالظاهر عندي أيضاً أنه ٠٢١ كيلاً لقلة ما يدخل فيه الكيل بالنسبة لسائر الحبوب ولقلة ما فيه من القوت الغذائي بالنسبة لغيره. والله تعالى أعلم، وأنا الداعي لكم بالخير، على الغموقي.
28 أكتوبر 1924

Перевод

И вам Мир, милость Аллаха и Его благословение.

Дорогой и любимый брат Яхья.

Да оживит Аллах посредством вас то, что было забыто из основ науки и религии. Что касается «картошки», то она представляет собой растение американского происхождения. После открытия Америки картофель был перенесен в Европу, а уже оттуда распространился в страны Востока. Поэтому ранние мусульманские ученые не были с ним знакомы и не упоминали его в своих сочинениях. В настоящее время он служит основным продуктом питания для жителей многих селений острова Ирландия, входящего в состав Британских островов: они питаются исключительно картофелем. Об этом сообщает известный ученый Умар Басим[20] — главный врач Османской империи при Абдулхамиде[21]. По его словам, жители ежедневно употребляют около двадцати гирванок[22], поскольку по сравнению с другими известными продуктами питания он содержит относительно небольшое количество питательных веществ. То обстоятельство, что мы сами не питаемся одним только картофелем, объясняется лишь отсутствием такой привычки. Если бы мы привыкли к этому, то также могли бы ограничиваться им одним, подобно тем людям, и наши тела поддерживались бы им так же, как поддерживаются их тела. При

[20] Бесим Омер Акалын (1862–1940) — турецкий медик. Занимал пост директора турецкого общества Красного Креста.

[21] Абдул-Хамид II (1842–1918), османский султан (1876–1909), последний самодержавный правитель Османской империи.

[22] *Гирванка* (авар. *гилавка*, рус. *гривенка*) — мера веса равная 400 грамм. Аналог европейского фунта (см.: [Абаев, 1958, с. 96].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

этом они не страдают какими-либо особыми заболеваниями вследствие такого питания, за исключением тех болезней, которые могут поражать и людей, питающихся полбой, рисом и другими подобными продуктами. Между тем отсутствие болезней не является условием признания продукта тем видом имущества, с которого выплачивается закят. Иначе пришлось бы исключить из числа продуктов, облагаемых закятом, также полбу и другие подобные зерновые культуры. Что же касается нисаба картофеля, то и мне представляется, что он должен составлять сто двадцать мер (кайль). Это объясняется тем, что одна мера картофеля содержит меньше питательной ценности по сравнению с соответствующей мерой других зерновых культур, а также тем, что объем картофеля значительно больше по отношению к содержащемуся в нем количеству питательных веществ.

Всевышний Аллах знает лучше. Прошу Аллаха даровать вам всяческое благо. Али из Кумуха. 27 октября 1924 г.».

Правовое и историческое значение переписки 1924 г.

В письме к Али Каяеву Йахйа из Гамсутля обосновывает обязательность выплаты закята с картофеля, прибегая к методу аналогии (*кийас*) и опираясь на неуказанные сочинения шафиитских правоведов. Автор классифицирует данную культуру как основной продукт питания (*ал-кут*), аргументируя это тем, что в регионах Сибири картофель составляет основу рациона. В качестве дополнительной опоры Йахйа ссылается на «турецкие книги» без указания названия и авторства. Относительно минимального облагаемого ценза (*нисаб*) автор приравнивает картофель к сельскохозяйственным продуктам, хранящимся в оболочке, устанавливая его в размере 120 *кили* (кайлов)[23]. Данная мера обосновывается им наличием шелухи и относительно меньшей питательной ценностью продукта.

В своем ответе Али Каяев приводит краткий исторический экскурс о появлении картофеля в мусульманском ареале, акцентируя внимание на отсутствии упоминаний данной культуры в классических трудах по мусульманскому праву. Али Каяев также разделяет позицию Йахйи и относит картофель к категории основных продуктов питания (*ал-акват*), сылаясь на медико-биологические данные турецкого врача Омара Басема. Кроме того, автор подтверждает правомерность установленного размера нисаба для картошки, составляющего 120 мер (кайлов).

Характерно, что как сторонник абсолютного *иджтихада* [Наврузов, 2024, с. 301] Али Каяев пишет об отсутствии традиции изучения вопроса о закяте с нового продукта — картофеля — среди авторитетов шафиитского фикха и в целом исламского права. Как банальность, хорошо известную его адресату, Каяев не стал упоминать про отсутствие упоминаний о картофеле

[23] Согласно положениям шафиитского фикха, нисаб сельскохозяйственной продукции определен в 5 *вусков* (720 кг). Для злаков, подвергающихся хранению в шелухе, таких как рис, норматив исчисляется в двойном объеме — 10 вусков (1440 кг). В контексте традиционных дагестанских мер веса и объема 120 *кили* соотносятся с указанной правовой нормой и составляют примерно 1500 кг.

в Коране и Сунне Пророка — важнейших источниках для извлечения решений для кадиев и в целом мусульманских правоведов.

В вопросе правовой формы ответа Али Каяева Йахйе из Гамсутля представляется затруднительным однозначно классифицировать его как правовое решение (*такрират*) или отнести к какому-либо другому жанру. Учитывая приватный характер переписки, данный документ следует рассматривать в рамках частной научной корреспонденции (*мурасала*) двух богословов по вопросам, не нашедших отражения в классических трудах мусульманских богословов. Также следует учитывать то обстоятельство, что данная переписка велась в условиях радикальной трансформации правового поля раннего СССР, когда государственная политика была направлена на маргинализацию исламских институтов и минимизацию влияния шариатского судопроизводства на общественную жизнь региона.

Специально следует выделить предмет арабоязычной переписки, который оба ученых мужа называют по-русски в его разговорном произношении «картушка» и огласовывают. Картофель был завезен в горный Дагестан русскими и стал одним из «даров» империи покоренным ею горцам-мусульманам. В определенной мере его можно считать средством экономического привязывания покоренных мусульман к империи.

Обращаясь к вопросу о появлении картофеля в Дагестане, необходимо указать, что наиболее раннее свидетельство о его распространении встречается в записях Омара Карнаилова, уроженца селения Чох, датированных 1884 г. В своих заметках он сообщал: «Поля чохские состоят из трех участков: Ходоб, Росух и Маарда. Сеют кукурузу, пшеницу, ячмень и горох. По примеру русских у чохинцев есть огороды, там садят картофель, капусту, лук и чеснок» [Каранаилов, 1884, с. 343]. Эти сведения позволяют утверждать, что в 1880-е гг. культура уже была известна в Гунибском округе. Из отчета начальника Гунибского округа Дагестанской области, датированного 1896 г. становится известно, что картофель уже был известен в подвластном ему округе и считался одной из посевных культур: «Сеют рожь, ячмень, овес, кукурузу. Только лишь в последнее время жители стали засевать картофель. В отчетном году засеяно 1500 пудов, собрано 3700 пудов» [Отчет начальника Гунибского округа за 1896 г.]. Возвращаясь к нашей переписке двух алимов, можно заключить, что около полувека (1880-е гг. — 1924 г.) вопрос закята проходил мимо внимания кадиев и богословов Горного Дагестана.

Упоминание Сибири в контексте обсуждения норм закята свидетельствует о глубокой интеграции Дагестана в общероссийское пространство: этот процесс начался с контактов высланных в Сибирь горцев и продолжился через активные связи дагестанской интеллигенции с мусульманскими деятелями азиатской части империи. Участники переписки, будучи кадиями в системе военно-народного управления, а позже — советских шариатских судов, выступали посредниками между имперской (позже — советской) легальностью и мусульманской общиной. Вполне вероятно, что обсуждение авторами вопросов закята коррелировало и с раннесоветской риторикой об «освобождении бедноты». Это позволяло духовенству легитимизировать сбор закята в глазах новой власти, представляя его как инструмент обеспечения социальной справедливости.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Примечательно, что переписка по вопросу закята состоялась в 1924 г. Спустя три года тема закята станет неактуальной — с 1927 г. она перейдет в сферу государственной собственностью. В конце 1921 г. мусульманское духовенство постановлением Дагобкома РКП(б) было лишено избирательных прав [*Власть и...*, 2007, с. 36]. В 1924 г. по нему нанесут еще один серьезный удар — законодательно запретят выбирать представителей духовенства в кресткомы, которые на тот момент представляли единственный общественно-политический институт власти на селе. В 1925 г. председатель ЦИК ДАССР Н. П. Самурский отмечал, что к тому времени «духовенство для поддержки беднейших располагало средствами», и немалыми — закятом («обязательным сбором со всех магометан в размере 1/40 всех годовых доходов») и вакуфом («землями и имуществами, пожертвованными и завещанными в пользу мечетей»), сбором и распределением которого духовенство занималось «достаточно добросовестно» [Самурский, 1925, с. 128–131]. В 1923–1924 гг. мусульманское духовенство, возглавляемое Али-Хаджи Акушинским, собрало в горном Дагестане налога больше, чем Дагестанское правительство по всему Дагестану: доход вакуфов и закятов в Дагестане за 1925–1926 гг. составлял 1 500 000 рублей [Магомедов, 1973, с. 217].

К 1925 г. власть не могла еще решиться на «уничтожение вакуфов административным распоряжением», но готовилась к этому удару: «Советская власть, оставляя вакуфы, пока что вела только пропаганду о точном учете вакуфных доходов сельскими обществами, и о его передаче из рук духовенства в крестьянские комитеты взаимопомощи» [Магомедов, 1973, с. 133].

Вопрос о передаче вакфов кресткомам был поднят руководством в феврале 1925 г. на «Совещании алимов-арабистов ДССР» (более известном под названием «Совещание ста алимов»). Мнения участников по вопросу о передаче вакуфов разделились, но продемонстрировали единодушное заблуждение в том, что одни утверждали, что «вакуфы и закяты можно передать в распоряжение кресткомов лишь с тем условием, чтобы в работе кресткома принимал участие хотя бы один алим, и чтобы в члены кресткома были избраны честные люди (по выбору общества), и чтобы эти средства распределялись среди нуждающихся в пределах данного общества», другие допускали передачу вакфов кресткомам, но при условии соблюдения шариата, при этом не скрывали своих сомнений в том, что «будут неправильности и отступления от шариата». Ответственный за проведение совещания нарком просвещения А. Тахо-Годи с удовлетворением писал в отчете: «Боевыми вопросами совещания оказались вопросы о передаче закятов и вакфов в кресткомы. Больших усилий стоило, чтобы вырвать у алимов согласие на таковую передачу... Резолюция президиума принимается единогласно» [Протокол совещания..., 1925]. По подсчетам окружных фининспекций, в 1926–1927 хозяйственном году общая сумма поступлений от вакфов и закята в Дагестанской АССР составляла около 1,5 млн руб. при наличии 145 тыс. крестьянских дворов. В отчете правительства Дагестанской АССР к VI Дагестанскому съезду Советов (1927 г.) указывалось, что единый сельскохозяйственный налог за этот же год составлял 538 тыс. руб. [Протокол совещания..., 1925].

Политика советской власти, направленная на изъятие контроля над вакфами и закятом из ведения мусульманского духовенства, спровоцировала

неоднозначную реакцию в обществе. Если значительная часть исламской интеллигенции решительно выступала против передачи управления религиозными пожертвованиями в ведение кресткомов, то отдельные представители мусульманского духовенства, напротив, призывали верующих перечислять вакфные отчисления и закят в кресткомы [Кундухов, 1929, с. 14].

Несмотря на свою очевидную эффективность, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. «шариатские сборы» были практически запрещены и вытеснены из жизни мусульман Дагестана в результате проводимой властями антирелигиозной кампании. В дальнейшем «шариатские сборы» были восстановлены в ходе Великой Отечественной войны и в последующие послевоенные годы; однако шариатские сборы, и в частности — закят, утратили статус обязательных выплат.

Заключение

Исследование практики взимания закята в дагестанской сельской общине в период поздней Российской империи и в раннесоветские годы позволяет сделать ряд концептуальных выводов.

Во-первых, выявлено, что в отечественной историографии долгое время отсутствовала четкая дифференциация между различными формами исламской благотворительности. В отличие от вакфов, закят представлял собой специфический вид обязательной религиозной филантропии, который фактически находился вне сферы прямого государственного контроля в имперский период. Однако, в отличие от царской администрации, советская власть на ранних этапах своего утверждения активно включилась в регулирование закята: сначала делегировав полномочия по его сбору лояльному духовенству и распределяя его в интересах советской власти, а впоследствии передав эти функции комитетам крестьянской общественной взаимопомощи (кресткомам).

Во-вторых, частная переписка сельских кадиев, датируемая серединой 1920-х гг., свидетельствует о жизнеспособности и высокой адаптивности исламского правового дискурса в раннесоветский период. Дискуссии о правовых нюансах сбора закята с новых сельскохозяйственных культур демонстрируют, что местные алимы успешно интегрировали меняющиеся экономические реалии в рамки шафиитского мазхаба. Таким образом, закят выступал не только как один из столпов веры, но и как важнейший инструмент сохранения правовой и экономической автономии дагестанского *джама'ата*. Несмотря на статус «колониальной окраины» в составе империи и последующую инкорпорацию в советскую политическую систему, сельская мусульманская община Дагестана демонстрировала устойчивую внутреннюю субъектность и способность к самоорганизации на основе норм шариата.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Факсимиле писем

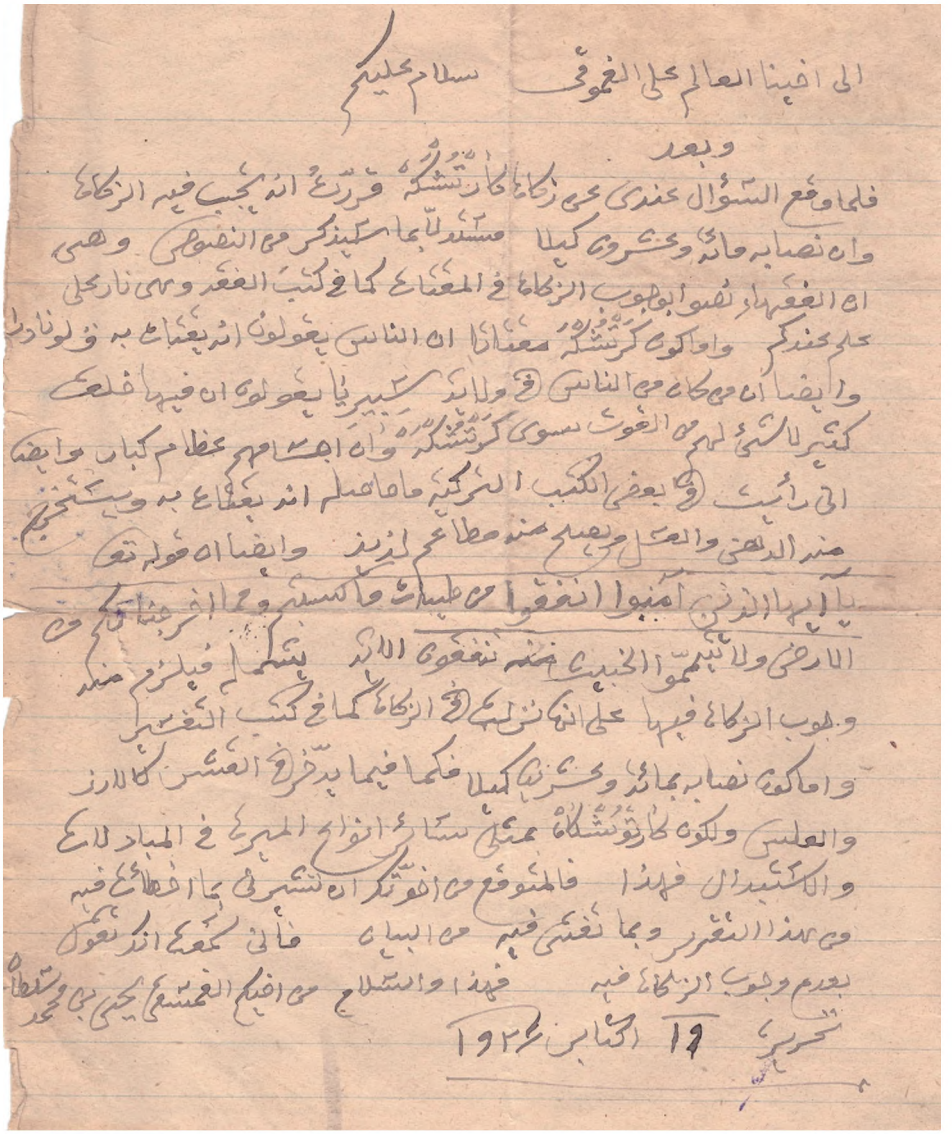

Рис 1. Письмо Йахйи из Гамсутля Али Каяеву
Fig. 1. Letter from Yahya of Gamsutl to Ali Kayaev

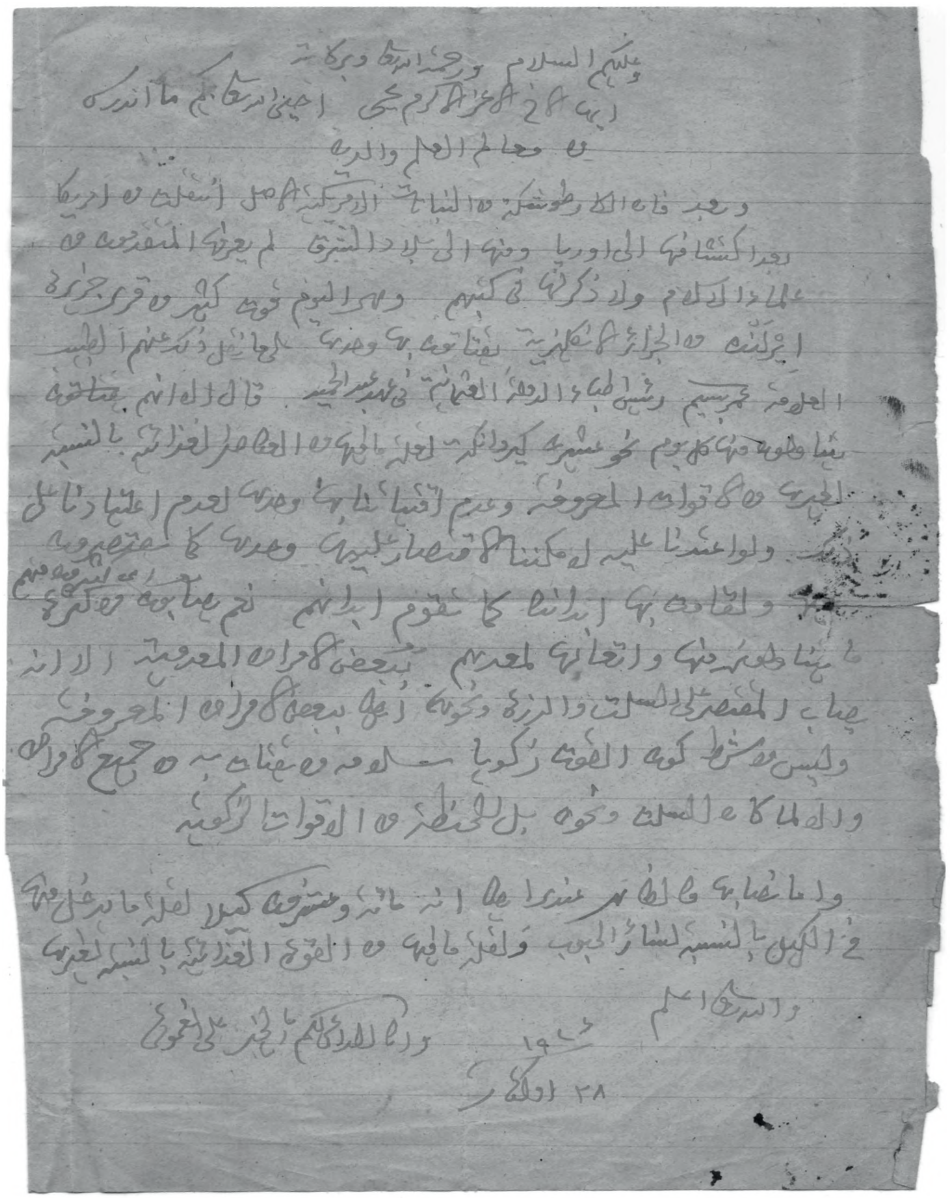

Рис. 2. Ответ Али Каяева Йахйе из Гамсутля
Fig. 2. Ali Kayaev's reply to Yahya from Gamsutl

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Список литературы / References

1. Абаев В. И. Из истории слов. *Вопросы языкознания.* 1958. № 4. С. 96–98 [Abaev V. I. From the history of words. *Voprosy Jazykoznanija (Questions of linguistics).* 1958. No. 4, pp. 96–98].
2. Анучин О. И. Особенности мусульманской благотворительности в Российской империи. *Международный научно-исследовательский журнал.* 2015. № 7(38). Ч. 4. С. 70–71 [Anuchin O. I. Partocularities of Muslim Charity in the Russian Empire. *International scientific research journal.* 2015. No. 7(38). Pt. 4, pp. 70–71 (in Russian)].
3. Бигиев Муса. *Закят.* М.: Медина, 2025 [Bigiev Musa. *Zakyat.* Moscow: Medina, 2025 (in Russian)].
4. Бобровников В. О., Каяев М. И. ʻАли ал-Гумуки (Каяев) как историк мусульманских народов Кавказа. *Ислам в современном мире.* 2020. Т. 16. № 3. С. 119–143 [Bobrovnikov V. O., Kayaev M. I. ʻAli al-Gumuki (Kayaev) as a Historian of the Muslim Peoples of the Caucasus. *Islam in the modern world.* 2020. Vol. 16. No. 3, pp. 119–143 (in Russian)].
5. *Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 г. — декабрь 1991 г.). Документы и материалы.* Сост. Г. И. Какагасанов. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007 [*Power and the Muslim Religion in Dagestan (November 1917 — December 1991). Documents and Materials.* Comp. G. I. Kakagasanov. Makhachkala: IIAE DNTS RAN, 2007 (in Russian)].
6. Каранаилов О. Описание аула Чох. *Сборник материалов для описания племен и местностей на Кавказе.* Вып. 4. Отд. 2. Тифлис, 1884. С. 1–24 [Karanailov O. Description of the Chokh Aul. *A collection of materials for describing tribes and localities in the Caucasus.* Issue 4. Pt. 2. Tiflis, 1884, pp. 1–24 (in Russian)].
7. Кундухов М. О закяте и некоторых других формах поборов духовенства в нацобластях. *Революция и горец.* 1929. № 7–8. С. 14 [Kundukhov M. About Zakat and Some Other Forms of Clergy Requisitions in National Regions. *Revolution and the Highlander.* 1929. No. 7–8, p. 14 (in Russian)].
8. Магомедов М. З. Некоторые особенности национальной политики КПСС в республиках Советского Востока. *Актуальные проблемы развития национальный отношений в СССР.* Махачкала, 1973 [Magomedov M. Z. Some Features of the CPSU National Policy in the Republics of the Soviet East. *Current issues of development of national relations in the USSR.* Makhachkala, 1973 (in Russian)].
9. *Мусульманское право и обычай в российском Дагестане: источники и исследования. Хрестоматия.* Сост. В. О. Бобровников, М. Г. Шехмагомедов, Ш. Ш. Шихалиев. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, Президентская библиотека, 2017 [*Muslim law and custom in Russian Dagestan: sources and research. Reader.* Comp. V. O. Bobrovnikov, M. G. Shekhmagomedov, Sh. Sh. Shikhaliev. St. Petersburg: Saint Petersburg State University; Presidential Library, 2017 (in Russian)].
10. Мухаммад ʻАли ал-Чухи. *Фатава ал-Чухи.* Темир-Хан-Шура: ал-Матбаʻа ал-исламийа ли-Мухаммад Мирза Мавраев, 1908 [Muhammad ʻAli al-Chukhi.

Fatawa al-Chukhi. Temir-Khan-Shura: al-Matba'a al-islamiya li-Muhammad Mirza Mavraev, 1908 (in Arabic)].

11. Мухаммадтахир ал-Карахи. *Книга о значимости стремления улучшать свои деяния по мере сил*. Пер. с араб. и коммент. Р. С. Абдулмажидова, Д. М. Маламагомедова, М. Г. Шехмагомедова. М.: Восточная литература, 2014 [Muhammadtakhir al-Karakhi. *The Book on the Significance of Striving to Improve One's Deeds to the Best of One's Ability*. Transl. and comment. R. S. Abdulmazhidov, D. M. Malamagomedov, M. G. Shekhmagomedov. Moscow: Vostochnaya literatura, 2014 (in Russian)].
12. Назир ад-Дургили *Услада умов в биографиях дагестанских ученых*. Пер. с араб., коммент., факс. изд., указ. и библиогр. А. Р. Шихсаидов, М. Кемпер, А. К. Бустанов. М.: Изд. дом Марджани, 2012 [Nazir ad-Durgili. *Delight of Minds in the Biographies of Dagestan Scholars*. Transl., comment., facs. ed., index and bibliogr. A. R. Shikhsaidov, M. Kemper, A. K. Bustanov. Moscow: Mardzhani Publishing House, 2012 (in Russian)].
13. Наврузов А. Р. «Джаридат Дагистан» — арабоязычная газета дагестанских джадидов. М.: Изд. дом Марджани, 2012 [Navruzov A. R. "Jaridat Dagistan" — the Arabic-Language Newspaper of the Dagestan Jadids. Moscow: Mardzhani Publishing House, 2012 (in Russian)].
14. Наврузов А. Р., Шихалиев Ш. Ш. Историография и источниковедение джадидизма в Дагестане. *История, археология и этнография Кавказа*. 2024. Т. 20. № 2. С. 297–311 [Navruzov A. R., Shikhaliev Sh. Sh. Historiography and Source Studies of Jadidism in Dagestan. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2024. Vol. 20. No. 2, pp. 297–311 (in Russian)].
15. *Обзор Дагестанской области за 1900 год. Приложение к всеподданейшему отчету военного губернатора Дагестанской области*. Темир-Хан-Шура: Русская типография, 1901 [*Review of the Dagestan region for 1900. Appendix to the most humble report of the military governor of the Dagestan region.* Temir-Khan-Shura: Russkaya tipografiya, 1901 (in Russian)].
16. *Обзор Дагестанской области за 1915 год. Приложение к всеподданейшему отчету военного губернатора Дагестанской области*. Темир-Хан-Шура: Русская типография, 1916 [*Review of the Dagestan region for 1915. Appendix to the most humble report of the military governor of the Dagestan region.* Temir-Khan-Shura: Russkaya tipografiya, 1916 (in Russian)].
17. Отчет начальника Гунибского округа за 1896 г. *Центральный государственный архив Республики Дагестан. Канцелярия военного губернатора Дагестанской области, г. Темир-хан-Шура.* — Ф. 2. Оп. 1. Д. 27. Л. 25 [Otchet nachal'nika Gunibskogo okruga za 1896 g (Report of the head of the Gunib district for 1896). *Central State Archive of the Republic of Dagestan. Office of the Military Governor of the Dagestan Region. Temir-khan-Shura.* — Fund. 2. Inventory. 1. File 27. Leaf 25 (in Russian)].
18. *Проект Положения «О сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Дагестанской области»*. Темир-Хан-Шура: Типография штаба Области, 1868 [*Proekt Polozheniya Draft Regulation "On rural communities, their public management*

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

and state and public duties in the Dagestan region". Temir-Khan-Shura: Tipografiya shtaba Oblasti, 1868 (in Russian)].
19. Протокол совещания алимов-арабистов Дагестана, 12–14 февраля 1925 г. *Центральный государственный архив Республики Дагестан*. Дагестанский республиканский комитет Коммунистической партии РСФСР. Ф. П-1. Оп. 61. Д. 688. Л. 7 [Protokol soveshchaniya alimov-arabistov Dagestana, 12–14 fevralya 1925 g. (Protocol of the meeting of Alims-Arabists of Dagestan, Febr. 12–14, 1925) *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Dagestan. Dagestanskiy respublikanskiy komitet Kommunisticheskoy partii RSFSR* (*Central State Archive of the Republic of Dagestan. Dagestan Republican Committee of the Communist Party of the RSFSR).* Fund P-1. Inventory 61. File 688. Leaf 7 (in Russian)].
20. Самурский (Эфендиев) Н. *Дагестан*. М. — Л.: Госиздат, 1925 [Samurskiy (Efendiev) N. *Dagestan*. Moscow — Leningrad: Gosizdat, 1925 (in Russian)].
21. Сулаев И. Х. *Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений (1917–1991 гг.)*. Махачкала: ДГУ, 2009 [Sulaev I. Kh. *The State and the Muslim Clergy in Dagestan: A History of Relationships (1917–1991)*. Makhachkala: DGU, 2009 (in Russian)].
22. Шихалиев Ш. Ш. Трансформация суфизма в свете религиозной политики и переселений горцев в Дагестане 1930–1990-х гг. *Pax Islamica*. 2013. № 2(11). С. 93–109 [Shikhaliev Sh. Sh. Transformation of Sufism in the Light of Religious Policy and Resettlement of Highlanders in Dagestan in the 1930s–1990s. *Pax Islamica*. 2013. No. 2(11), pp. 93–109 (in Russian)].
23. Dudoignon Stéphane A. Status, Strategies and Discourses of a Muslim 'Clergy' under a Christian Law: Polemics about the Collection of Zakat in Late Imperial Russia. *Islam in Politics in Russia and Central Asia (Early Eighteenth to Late Twentieth Centuries)*. Ed. by Stéphane A. Dudoignon and Komatsu Hisao. London: Kegan Paul, 2001, pp. 50–73.
24. Ross Danielle. Muslim Charity under Russian Rule: Waqf, Sadaqa, and Zakat in Imperial Russia. *Islamic Law and Society*. 2017. Vol. 24, pp. 77–111.

Информация об авторах

Тахнаева Патимат Ибрагимовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия; ptakhnaeva@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-8830-5444.

Алиев Магомед Курбангаджиевич — аспирант Института востоковедения РАН, Москва, Россия; Москва, Россия, alievmkg@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0002-4750-3089.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в эту работу.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 04.03.2026; одобрена рецензентами 16.04.2026; принята к публикации 26.04.2026; опубликована 01.10.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Patimat I. Takhnaeva — Ph. D (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; ptakhnaeva@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-8830-5444.

Magomed K. Aliev — Postgraduate student at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; alievmkg@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0002-4750-3089.

Authors' Contributions

These authors contributed equally to this work.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

The article was submitted 04.03.2026; approved after reviewing 16.04.2026; accepted for publication 26.04.2026; published 01.10.2026.

The authors has read and approved the final manuscript.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)